

На косе (рассказ)

С запада дует сильный, но теплый ветер первых дней осени. Мы сидим на конструкции для удержания кочующих дюн. Это растянувшаяся на сотни метров сосновая решетка из бревен, жердей и колышков, которая отделяет песчаный вал от моря.

Нас трое. Зина, ее духовная дочь из Норвегии Ирочка Воге и я. Тяжелые балтийские тучи закрывают садящееся в море солнце, но в разрывах туч горит огонь, причудливый как самородная медь. Мы молчим, потому что настал час молитвы. Когда стемнеет, Зина поманит нас и тихим незнакомым голосом прочитает стихи. Она их сложит в себе набело, без бумаги, на наших глазах. Мы приникнем к самому ее лицу, чтобы услышать новую молитву. А пока мы смотрим вдаль.

Прикованный к горизонту взгляд, медленно, очень медленно движется. Свинец громоздящихся туч не позволяет огню пробиться к югу, а вот к северу свет заходящего солнца прокидывается свободно. Свет встречает на своем пути башенки бледно-голубых облаков и торжественно золотит их зубцы. Я знаю, моя душа вместит весь мир, однако эта минута еще не пришла. Еще не приготовлена к ней душа.

По деревянной лестнице, ведущей к воде, спускается закутанная в платок женщина со скотч-терьером на поводке. Такая собака была у клоуна Карандаша. Звали ее Клякса. Наша Клякса белая. Мы сидим у самой лестницы, и мне удастся разглядеть шотландского терьера хорошо. Поравнявшись с нами белая Клякса с подозрением смотрит на Ирочку Воге, с осуждением на Зину и с возмущением на меня. Ему приходилось иметь дело с разными собачьими и человеческими шайкам, но он еще ничего не знает, о такой как наша. Интересно, чем это они тут занимаются? Однако у него нет времени на то, чтобы додумать эту мысль. Хозяйка отстегивает карабин, и ее коротконогий питомец, забавно перекатываясь с задних лап на передние, пересекает узкую полосу пляжа. Скоро, совсем скоро солнце скроется за горизонтом.

Не сговариваясь, мы с Ирой решаем пройтись. Но идем мы в разные стороны, чтобы душа смолчалась с морем. Набегает шумная волна, оставляет на песке след в виде тонкого кружева пены. Мокрый песок Куршской косы отликает перламутром.

Почти одновременно мы возвращаемся. Зина всем существом молчит, но встречает нас приветливо, встречает глазами полными неба и огня. Не пошевелившись, обнимает нас всею зарей. Через час небо померкнет, ветер усилится. Тогда Зина призовет нас, переведет на человеческий язык то, что вложил в ее сердце Бог, и мы поцелуемся. Такова традиция.

Когда ты говоришь с кем-то о Боге, то в конце разговора у тебя появится только одно желание – обняться и пролить благодарные слезы.

Если этого не случилось, значит вы говорили не о Боге. А высшее счастье – это вместе с кем-то молчать о Боге. Молчать так долго и глубоко, пока душа не перейдет свой предел.

Небо гаснет, но не всё, не сразу и не сразу, и не всё гаснет море. Над зеркалом воды стоит какой-то странный серебряный свет. То ли так отливает светлый гребень волны, то ли глаза слезятся на ветру. Карминовая полоса зари все еще отделяет небо от воды.

Белая Клякса возвращается. Скотч-терьер заходит под лестницу, огибает конструкцию для удержания кочующих дюн, усаживается слева от Ирочки и устремляет свой взор в вечернее небо. Он пристально и без всякого практического интереса смотрит в ту же сторону, в которую смотрим мы. Я еще не видел собак с таким одухотворенным и нелепым выражением лица. Белая Клякса сразу понял, что в этой шайке не принято шуметь и чесаться. Он превращается в небольшое лохматое изваяние преданное нам до кончиков своих треугольных ушей. Строго осудив нас попервоначалу, он из собачьей деликатности переходит в нашу веру. Впрочем, его мотивы мне не ясны.

К нам приближается женщина, закутанная в платок. Она не может взять в толк, что здесь происходит. Почему эти люди битый час сидят на ветру и не сводят глаз с пустого горизонта. Но еще меньше она понимает, что в этой компании делает ее собака. Однако нарушить тишину и общую неподвижность хозяйка шотландского терьера не решается. Она очень вежливо подает белой Кляксе немые знаки, мол пора и честь знать, призывает умильными жестами своего питомца, но питомец и в ус не дует. Он даже не смотрит в ее сторону. Кляксе открылась бездна, или не открылась, но, наверное, она открылась этим трем путникам, а, значит и ему перепадет кусочек.

Женщина, закутанная в платок, скрипит ступенями лестницы. Колотит лапами по ступеням и ее пес.

В синей тьме на ветру с Зининых губ сходит молитва. Тихие из самого сердца добытые слова. Певучие строки не сгорающей в огне Саламандры. И мы снова постигаем единый мировой закон. Он очень прост. Молчи и слушай. И вдруг я ощущаю себя белой Кляксой, которая смотрит в ту же сторону, что и наша Саламандра. Наконец-то я увидел себя со стороны, и уже не питаю никаких иллюзий относительно своей духовной пробужденности. Но разве не с этой собачьей верности начинается путь к тому, что ты никогда не сможешь разлюбить.

6 сентября 2016. Курильская коса.